

ЕВА ДАМИАНО

КОНТУР
ПОДЧИНЕНИЯ

Кто под маской?

Твоя свобода заканчивается там, где начинается моя те

18+

Ева Дамиано

**Контур подчинения.
Кто под маской?**

«Автор»

2026

Дамиано Е.

Контур подчинения. Кто под маской? / Е. Дамиано — «Автор», 2026

Она изучала чужие девиации, но сама стала главной деталью в его изощренном эксперименте. Клементина — блестящая магистрантка-психолог, пишущая диссертацию о природе тотального контроля. Она привыкла доверять логике, но её академический мир рушится, когда в её жизнь врывается Тень — одержимый сталкер из ночного клуба «Лимб». Опасная игра в кошки-мышки, под черной маской преследователя Клем узнает Каспиана Вэнса — циничного миллиардера и главного попечителя её университета. Маниакальный хищник взламывает её защиты шаг за шагом. Профессорский кабинет, VIP-ложа ночного клуба, закрытое загородное поместье — Каспиан уничтожает её волю, превращая научный труд в эпитафию её независимости. Разум Клем капитулирует перед стокгольмским синдромом, а сопротивление сменяется порочным экстазом. Ей придется признать: хаос нельзя контролировать. Ему можно только отдаться. Властный и одержимый герой, сталкер/миллиардер, умная героиня, психологическая дуэль, игра на грани, dark romance, подчинение.

© Дамиано Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Аналоговый синдром	6
Глава 2: Ложа номер 3	8
Глава 3: Взлом контура	12
Глава 4: Тактильное доминирование	15
Глава 5: Синдром отмены	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ева Дамиано

Контур подчинения. Кто под маской?

Пролог

Запах элитного клуба «Лимб» всегда был одинаковым: смесь дорогого селективного парфюма, ледяного джина, озона от генераторов тяжелого дыма и едва уловимого, сладковатого аромата разгоряченной человеческой кожи. Для Клементины этот запах давно стал сигналом к переключению тумблера внутри головы.

Она стояла на трехметровом пилоне, залитая агрессивным, пульсирующим неоном — ледяным синим и порочным, почти багровым маджента. На ней было лишь ультракороткое виниловое боди, облегающее бедра как вторая кожа, и высокие шпильки-стрипы, удлиняющие её ноги до бесконечности. Движения Клем были тягучими, безупречно выверенными. Она медленно прогибалась в спине, запрокидывая голову назад, позволяя тяжелым темным волосам рассыпаться по плечам. Толпа внизу, у подножия её сцены, выла и тянула руки, ослепленная этой иллюзией абсолютной доступности.

Но Клем знала: они смотрят не на неё. Они смотрят на свое отражение в её цинизме. Она была умна — слишком умна для этой грязной сцены, и именно это знание давало ей пьянящую власть над сотнями мужчин, готовых швырять стодолларовые купюры к её ногам просто за секундный взгляд. Она управляла их похотью как опытный дирижер, оставаясь при этом ледяной и недосыгаемой.

Пока её взгляд не наткнулся на дальнюю VIP-ложу второго яруса.

Там, в густой тени, куда почти не проникали лучи лазеров, сидел мужчина. Он не пил, не курил и не разговаривал с охраной. Он смотрел только на Клем. На его лице была черная анатомическая маска из матового полимера. Она полностью закрывала лоб, скулы и нос, оставляя лишь узкие прорезы для глаз и четкий, порочный вырез для губ.

Клем почувствовала, как музыка внутри её головы на секунду дала сбой. По спине пробежал короткий, почти болезненный разряд электрического тока. Это не был обычный взгляд пьяного гостя. Мужчина в маске изучал её так, словно уже владел ею. Словно её тело, её ритм и сама её жизнь были его личной собственностью, которую он временно позволил выставить на всеобщее обозрение.

Она сделала медленный оборот вокруг пилона, опускаясь в глубокий партерный присед, не отрывая взгляда от черной тени наверху. Напряжение между ними стало физически плотным. Мужчина в ложе медленно подался вперед, и его губы в вырезе маски дрогнули в едва заметной, опасной усмешке. Он поднял руку и коснулся пальцами стекла ограждения, словно оглаживая силуэт Клем на расстоянии.

Глава 1: Аналоговый синдром

Спустя семь часов неон сменился тусклым, рассеянным светом люминесцентных ламп Большой лекционной аудитории №4. Запах дорогого алкоголя и пота уступил место аромату крепкого кофе из автомата, старой бумаги и легкой пыли.

Клементина сидела на третьем ряду, подперев подбородок рукой. На ней был безразмерный серый кашемировый свитер, скрывающий изгибы тела, простые джинсы и очки в тонкой металлической оправе. Перед ней лежал открытый ноутбук и толстая тетрадь, исписанная аккуратным, убористым почерком. На полях страницы красовалась тема её магистерской диссертации: *«Психология девиантного контроля: механизмы фиксации и преследования в условиях мегаполиса»*.

— Обратите внимание на феномен сталкерства не как на акт примитивного насилия, а как на высшую форму когнитивной одержимости, — монотонил с кафедры пожилой профессор. — Субъект не стремится уничтожить объект. Он стремится стать его воздухом. Его единственной константой.

Клем горько усмехнулась про себя, делая пометку на полях. Кому, как не ей, знать теорию этого процесса. Днем она препарировала девиации человеческого разума на лекциях по криминалистике, а ночью наблюдала их в самом чистом, концентрированном виде с высоты своего пилона. Умная, амбициозная, циничная — Клем метила на престижный грант от международного фонда. Ей нужно было это исследование, нужна была эта академическая победа, чтобы навсегда вырваться из нищеты и душного закулисья ночных клубов.

Экран её телефона, лежащего на деревянном попире, бесшумно загорелся.

[Неизвестный номер]:

«На лекциях ты выглядишь слишком строгой, Клементина. Но серый кашемир идет твоей коже гораздо больше, чем винил. Хотя я скучаю по твоим шпилькам».

Клем замерла. Воздух в легких мгновенно стал тяжелым, как свинец. Она лихорадочно оглянулась по сторонам. В аудитории сидело около сорока студентов: кто-то спал, кто-то залипал в соцсетях, кто-то судорожно конспектировал слова профессора. Никто не смотрел на неё.

Она перевела взгляд на телефон. Экран мигнул, и следом пришло второе сообщение — вложенный файл. Клем дрожащим пальцем нажала на экран.

Это была фотография. Снимок был сделан ровно три минуты назад со спины, через открытую дверь аудитории. На фото была видна её макушка, заколотые в небрежный пучок волосы и страница тетради, где прямо под заголовком о механизмах преследования теперь красовалась свежая смс-строчка.

Под фотографией шла короткая приписка:

«Твоя диссертация великолепна. Но теория мертва без практики, куколка. Сегодня в полночь. Ложка №3. Не заставляй меня ждать».

Клем медленно закрыла ноутбук. Её сердце колотилось в груди так сильно, что звук ударов, казалось, разносился по всей аудитории. Сталкер больше не прятался в ночи. Он внедрил в её безупречный, безопасный дневной мир, разрушив границу между Клементиной-студенткой и Клем-танцовщицей. И самое страшное, что вместо ужаса она почувствовала, как глубоко внизу живота начинает разгораться знакомое, тягучее и запретное тепло.

Профессор на кафедре продолжал что-то увлеченно чертить на маркерной доске, но для Клементины его голос превратился в глухой, неразличимый фоновый шум. В ушах пульсировал её собственный пульс. Она сидела абсолютно неподвижно, глядя на экран телефона, словно тот был заряженным пистолетом, направленным ей прямо в грудь.

«Сегодня в полночь. Ложка №3».

Она заблокировала смартфон и с глухим стуком опустила его экраном вниз на деревянный попитр. Пальцы слегка подрагивали. Клем заставила себя сделать глубокий, медленный вдох, пытаясь включить холодное, аналитическое мышление, которым так гордилась. Она ведь без пяти минут магистр психологии девиантного поведения. Она знает эту публику. Сталкеры — это рабы контроля, движимые уязвимостью. Они сильны лишь до тех пор, пока остаются невидимыми.

Но этот ублюдок не был примитивным вуайеристом. Он читал её диссертацию. Он знал, на каком ряду она сидит. Он стоял там, за дверью аудитории, всего несколько минут назад, вдыхая тот же воздух, пропитанный университетской пылью и дешевым кофе.

Клем резко обернулась, едва не задев плечом сидящего рядом первокурсника. Тот испуганно отшатнулся. Коридор за стеклянным квадратом двери лекционного зала был пуст. Длинная, залитая блеклым светом галерея с рядами закрытых шкафчиков выглядела совершенно безжизненной. Тень исчезла, оставив после себя лишь этот снимок. Фотографию её затылка. Овещественное доказательство её незащитности.

Она перевела взгляд на свою тетрадь. Ручка, зажата в пальцах, оставила жирную черную точку прямо посреди слова «*фиксация*».

— С вами всё в порядке, мисс Коллинз? — голос профессора у кафедры разрезал тишину аудитории.

Клем вздрогнула и подняла голову. Несколько студентов лениво повернулись в её сторону.

— Да, профессор. Простите, — она поправила очки на переносице, возвращая на лицо привычную маску ледяного безразличия. — Просто... нашла интересную параллель в исследуемом кейсе.

— Отлично. Тогда продолжим, — удовлетворенно кивнул старик. — Как я уже говорил, объект для сталкера — это не человек. Это сакральный конструкт. И когда этот конструкт пытается проявить автономию, субъект переходит к фазе тактильного доминирования.

«Тактильное доминирование», — мысленно повторила Клем, и по её коже, вопреки здравому смыслу, пробежала волна ядовитого, обжигающего жара. Она вспомнила тяжелый, почти осязаемый взгляд мужчины в черной матовой маске из вчерашней ложи. Вспомнила, как он оглаживал стекло, словно касался её обнаженного бедра.

Он звал её в полночь. Туда, где она была королевой неона, управляющей чужой похотью. Но теперь Клем понимала, что эта ложа №3 станет её личным эшафотом или её личным алтарем. Ей следовало бы пойти в полицию, показать им эти сообщения, заблокировать номер, бросить работу в «Лимбе» и запереться в общежитии. Это был бы выбор умной, рациональной девушки.

Но Клементина была слишком амбициозна и слишком порочна для правильных выборов. Ей до безумия хотелось увидеть, кто скрывается за этим безупречным полимером. Ей хотелось сыграть в эту игру на его поле и доказать, что её разум сильнее его фиксации.

Она открыла ноутбук, быстро набрала сообщение для администратора клуба, подтверждая свою ночную смену, и закрыла крышку. До полуночи оставалось девять часов. Самых долгих девять часов в её жизни.

Глава 2: Ложа номер 3

За кулисами «Лимба» пахло лаком для волос, дешевым энергетиком и мятным вейпом. Визгливый смех девчонок из массовки рикошетил от стен, оклеенных зеркальной пленкой, но Клементина этого почти не слышала. Она сидела перед гримерным столом, методично нанося на губы темный, почти черный блеск с ароматом спелой вишни. В зеркале отражалась Клем, которую университетские профессора никогда не видели: хищный разлет бровей, мерцающий глиттер на ключицах и глухое виниловое боди, которое держалось на теле лишь за счет натяжения тонких ремешков. Из динамиков под потолком уже доносился тяжелый, ухающий бас — клуб заполнялся субботней толпой.

— Клем, ты сегодня сама не своя, — Марго, танцовщица из параллельного пилона, прикурила тонкую сигарету, пустив дым в зеркало. — Смотришь так, будто собираешься кого-то резать прямо на сцене.

— Просто не выспалась, — Клем даже не повернула головы. Она застегнула на лодыжке тяжелый замок четырнадцатисантиметровых шпилек-стрипов. Металл звякнул, ставя финальную точку в её преображении. Клементина-студентка осталась в запертом шкафчике вместе с серым кашемировым свитером. Теперь она была Клем. Игрушкой, которая заставляла мужчин умолять.

Экран телефона на столе моргнул. Новое сообщение без номера. *«Десять минут до полуночи, куколка. Охрана ложи предупреждена. Ты ведь не заставишь меня спускаться за тобой на общую сцену?»* Вместо ответа Клем бросила смартфон в сумку и поднялась. Ноги в гигантских каблуках двигались с идеальной, пугающей грацией — сказывались годы тренировок. Она не собиралась танцевать для него на общем подиуме. Эта игра требовала приватности.

Дорога к VIP-зоне второго яруса вела через служебный коридор и тяжелую бархатную портьеру. Здесь, наверху, музыка заглушалась толстыми звукоизоляционными панелями, превращаясь в плотную, вибрирующую в грудной клетке судорогу. Воздух казался гуще. Пахло дорогим табаком, кожей и мужским доминированием.

У двери с матовым номером «3» стоял двухметровый секьюрити в безупречном костюме. Стоило Клем подойти, как он молча, без единого вопроса, открыл перед ней тяжелую дубовую дверь и сделал шаг назад, отсекая ей путь к отступлению.

Клем шагнула внутрь. Дверь за её спиной закрылась с глухим, едва слышным щелчком. В ложе царил полумрак, разрываемый лишь багровым лучом лазера, пробивающимся сквозь панорамное стекло, выходящее на главный танцпол. Мужчина сидел в глубоком кожаном кресле, закинув ногу на ногу. Безупречный черный костюм-тройка, белоснежная рубашка, расстегнутая на две верхние пуговицы, и *она*. Черная матовая маска из жесткого полимера, плотно облегающая его лицо. В темноте ложи прорези для глаз казались абсолютно черными, но Клем физически почувствовала, как его взгляд прошил её насквозь — от кончиков пальцев на шпильках до шпильки в её волосах.

— Ты пунктуальна, — раздался его голос. Низкий, бархатистый, с едва заметной хрипотой. Этот голос не был изменен модулятором, но в нем звучала такая абсолютная, непререкаемая власть, что у Клем против воли перехватило дыхание. — Садись.

Он слегка повел рукой, указывая на низкую кожаную банкетку прямо напротив своего кресла. Дистанция — меньше полуметра. В замкнутом пространстве ложи его парфюм — смесь дорогой кожи, горького табака и сухого дерева мгновенно заполнил её легкие. Клем сделала два медленных шага вперед. Шпильки глухо стукнули по дорогому ковру. Вместо того чтобы послушно сесть, она остановилась, чуть подавшись вперед, упираясь ладонями в подлокотники его кресла. Её виниловое боди оказалось в считанных сантиметрах от его коленей. Она включила свою привычную защиту — высокомерие умной женщины.

— Играть в сталкера в стенах университета — это довольно дешевый трюк для человека с вашими возможностями, — Клем заглянула прямо в прорези маски, пытаясь поймать отблеск его зрачков. — Кто вы? Один из спонсоров моей кафедры? Профессор, которому наскучили старые книги? Или просто богатый извращенец, который думает, что маска делает его невидимым?

Мужчина не шелохнулся. Он не отстранился, хотя её обнаженная грудь почти касалась его лацкана. Из выреза маски донесся тихий, глубокий смешок, от которого у Клем по спине пробежал табун обжигающих мурашек.

— Твой ум — это самая сексуальная часть твоего тела, Клементина, — произнес он, и в его интонации прорезалась опасная, собственническая мягкость. — Ты пытаешься анализировать меня, чтобы вернуть себе иллюзию контроля. Но давай начистоту: если бы ты действительно хотела прекратить эту игру, ты бы сейчас сидела в полицейском участке, а не стояла передо мной в виниле, который едва прикрывает твои великолепные бедра.

Он поднял руку. Его пальцы, длинные и сильные, с ухоженными ногтями, замерли в миллиметре от её подбородка. Он не прикасался к ней, но Клем почувствовала исходящее от него тепло, и это бесконтактное прикосновение заставило её пальцы, сжимающие подлокотник, побелеть от напряжения.

— Ты пришла сюда, потому что тебе до безумия страшно, куколка, — прошептал он, подаваясь к ней так близко, что его губы почти коснулись её уха. — И потому что этот страх — единственное, что заставляет тебя чувствовать себя живой между твоими скучными лекциями. Твой разум хочет прогнать меня. Но твое тело... твое тело умоляет меня зайти дальше.

Воздух в ложе стал настолько густым, что Клем показалось, будто она вдыхает чистый, неразбавленный тестостерон. Слова незнакомца попали точно в цель, разорвав её интеллектуальную броню. Её теория девиантного поведения, её выверенные академические термины — всё это рассыпалось в прах перед грубой, первобытной правдой его голоса. Она действительно стояла здесь. Она не заблокировала номер. И её сердце сейчас колотилось не от ужаса, а от сумасшедшего, запретного предвкушения.

— Молчишь, — констатировал он, и его губы в вырезе маски снова изогнулись в хищной полуулыбке. — Умная девочка. Наконец-то ты перестала тратить время на пустые разговоры.

Его ладонь, обтянутая тонкой, как вторая кожа, черной кожаной перчаткой, наконец преодолела этот последний разделяющий их миллиметр. Он жестко обхватил её пальцами за подбородок, вынуждая Клем поднять голову и встретиться взглядом с темнотой его глаз сквозь прорези матового полимера. Хватка не была причиняющей боль, но в ней сквозило такое абсолютное, пугающее право собственности, что у Клем подкосились колени. Она судорожно вздохнула, и этот вздох прижал её грудь прямо к его безупречно отутюженному лацкану.

— Твой пульс бьется как сумасшедший прямо здесь, — его большой палец в перчатке медленно, с нажимом скользнул вниз по её шее, задерживаясь на бьющейся артерии, а затем спустился ниже, очерчивая контур ключицы. Винил её боди натянулся, когда она прерывисто вздохнула. — Ты привыкла, что сотни мужчин внизу пускают слюни на твое тело, пока ты крутишься на пилоне. Ты думаешь, что управляешь ими. Но сегодня ты не будешь управлять ничем, Клементина. Сегодня ты будешь танцевать только для меня. И по моим правилам.

Он отпустил её подбородок, но рука в перчатке опустилась на её бедро, едва ощутимо сжав пальцы на обнаженной коже чуть выше виңиловой кромки. Клем вздрогнула от этого контраста — прохладная кожа перчатки и её собственная, пылающая изнутри плоть.

— Музыка, — скомандовал он в пустоту ложи.

Словно по волшебству, тяжелые басы, доносившиеся снизу с общего танцпола, внезапно стихли, сменившись внутри ложи другой аудиосистемой. Из скрытых динамиков полился тягучий, темный, вибрирующий ритм с глубокими электронными низами и порочным блюзовым

овертоном. Этот трек не был предназначен для массовых танцев. Под него хотелось медленно раздеваться, подчиняясь чужой воле.

Мужчина в маске откинулся глубоко на спинку кресла, освобождая пространство перед собой. Его руки лениво легли на подлокотники.

— А теперь отойди на три шага назад, куколка, — его голос стал тише, упав до опасного, интимного шепота. — И покажи мне, за что этот клуб платит тебе такие деньги. Но помни: правила изменились. Ты не смотришь в стекло. Ты смотришь только на меня. И если я увижу, что ты сбилась с ритма хотя бы на секунду... наказание тебе не понравится. Или, наоборот, слишком понравится. Танцуй.

Клем сделала два шага назад, чувствуя, как шпильки погружаются в мягкий ворс ковра. Её дыхание было рваным, а на щеках горел лихорадочный румянец. Рациональная часть её разума кричала о том, что это безумие, что она добровольно отдает себя в руки психопата. Но тело уже отозвалось на вибрацию темного баса. Она медленно подняла руки вверх, сцепляя пальцы за головой, и закрыла глаза на долю секунды, чтобы поймать ритм. А когда открыла — её взгляд, как и было приказано, намертво сфокусировался на черной маске. Клем прогнулась в пояснице, её бедра пришли в движение, совершая тягучие, гипнотические круги. Винил боди поскрипывал при каждом движении, подчеркивая идеальные, сильные изгибы её тела. Она медленно опускалась вниз, скользя ладонями по собственным бокам, талии, очерчивая линию бедер. Она танцевала так, как не танцевала никогда на общей сцене — агрессивно, грязно, обнажая всю ту порочную латентную страсть, которую днем так тщательно прятала за очками и кашемировыми свитерами.

Мужчина в кресле не двигался. Он сидел неподвижно, как гранитное изваяние, но Клем видела, как тяжело и глубоко вздымается его грудь под жилетом костюма. Его взгляд буквально выжигал её кожу там, где касался. Когда она, завершая элемент, упала перед ним в глубокий партер, прогнув спину и оказавшись лицом к его коленям, его рука в перчатке стремительно потянулась вперед и запустила пальцы в её темные волосы, резко потянув назад и заставляя запрокинуть голову.

— Достаточно, — выдохнул он, и его маска оказалась в паре сантиметров от её лица. Клем увидела, как расширились его зрачки в черных прорезях. — Ты слишком хороша, Клементина. Настолько, что это становится опасным для нас обоих. На сегодня игра окончена. Возвращайся к своим книгам. Но помни: я буду смотреть. Всегда.

Он отпустил её волосы, поднялся с кресла и, не оборачиваясь, вышел через боковую дверь ложи, скрытую за портьерой. Клем осталась сидеть на коленях на полу, тяжело дыша, а в её ушах всё еще вибрировал этот темный, порочный ритм.

Клем сидела на полу пустой ложи еще несколько минут после того, как хлопнула потайная дверь. Тяжелый бас из основного зала «Лимба» вернулся на прежнюю частоту, но теперь он казался ей плоским, пластмассовым, лишенным той удушающей, гипнотической глубины, которой этот человек только что заполнил пространство. Её колени дрожали, когда она медленно поднималась, опираясь на край кожаного кресла. На дорогом кожаном подлокотнике остался едва заметный влажный след от её ладони.

Она была разгромлена. Её интеллект, её хваленая психологическая защита, способность читать мужчин как открытые книги — всё это мужчина в маске растоптал за десять минут, даже не сняв перчаток.

Клем подошла к панорамному стеклу. Внизу, в неоновом мареве, сотни безликих тел двигались в едином судорожном ритме. Они казались ей жалкими муравьями. Ни один из них не имел над ней власти. Но тот, кто только что ушел, забрал с собой часть её контроля, оставив взамен выжженную пустыню и зудящую, невыносимую потребность в продолжении.

Она вернулась в общую гримерку, игнорируя вопросы Марго и других девчонок. Молча стянула виниловое боди, которое теперь казалось ей клеймом, и натянула свои обычные вещи.

Серый кашемировый свитер лег на плечи, но больше не дарил ощущения безопасности. Он кололся. Он напоминал о фотографии, сделанной в аудитории.

Когда Клем вышла на улицу через служебный вход, ночной город встретил её мелким, прохладным дождем. Она не стала вызывать такси — ей нужно было пройти, чтобы выветрить из легких запах его парфюма, который, казалось, вьелся ей под кожу. Она шла по слабо освещенному переулку, шпильки её обычных ботинок глухо стучали по мокрому асфальту. На полпути к метро её телефон в кармане куртки коротко завибрировал. Клем остановилась под козырьком закрытого круглосуточного магазина. Пальцы скользнули по экрану.

[Неизвестный номер]:

«Ты забыла одну вещь на банкетке, Клементина. Я забрал её себе. Считай это моим залогом за твою следующую безупречную лекцию».

Клем судорожно выпотрошила свою маленькую сумочку прямо на ладонь. Паспорт, ключи от квартиры, кошелек, студенческий билет, блеск для губ... Всё было на месте. Она нахмурилась, пытаясь сообразить, о чем он говорит, а затем её взгляд упал на собственные руки. Тонкая медная шпилька, которой она заколола волосы перед тем, как войти в ложу №3. Её волосы сейчас тяжелой, мокрой волной лежали на плечах. Он вытащил эту копеечную шпильку из её прически в ту самую секунду, когда жестко рванул её голову назад за волосы, заставляя смотреть на маску. Она даже не заметила этого в угаре своего подчинения.

Следом пришло второе сообщение. Снова вложенный файл, но на этот раз не фото. Короткое аудио. Клем прижала телефон к уху, затаив дыхание. Из динамика донесся шорох, а затем — её собственное, прерывистое, хриплое дыхание и тихий, едва различимый стон, который вырвался у неё, когда его палец в перчатке коснулся её ключицы. Запись длилась всего пять секунд, но этого хватило, чтобы Клем почувствовала, как по её ногам снова скатывается волна ядовитого, парализующего жара.

В конце записи раздался его тихий, бархатистый шепот: *«Я слушаю это в машине, куколка. Твой страх звучит как лучшая музыка в этом чертовом городе. Ложись спать. Завтра у тебя важный день».*

Клем прижала ладонь к губам, чувствуя, как дождь заливает её лицо. Сталкер не просто наблюдал. Он коллекционировал её. Её звуки, её вещи, её секунды слабости. И самым чудовищным было то, что Клементина, амбициозная студентка с блестящим будущим, в этот момент сильнее всего на свете хотела, чтобы завтрашняя ночь наступила как можно скорее.

Глава 3: Взлом контура

Университетский кампус в понедельник напоминал растревоженный улей, но Клементина двигалась сквозь толпу студентов как автономный призрак. В кармане её куртки лежал телефон — тихий, холодный, не подавший ни одного сигнала за все воскресенье. Эта тишина изматывала сильнее, чем самые грязные сообщения. Сталкер применил классический прием психологического депривационного прессинга: сначала заполнил собой всё её ментальное пространство, а затем резко оборвал связь, заставляя объект преследования самостоятельно выстраивать теории и подсаживаться на крючок ожидания.

Клем сидела в библиотеке, обложившись тяжелыми томами по судебной психиатрии. Но строчки расплывались перед глазами. Стоило ей закрыть веки, как на сетчатке вспыхивал багровый лазерный луч ложи №3, а в ушах начинал вибрировать тот пятисекундный аудиофайл с её собственным задушенным вздохом. Она коснулась шеи — кожа под пальцами до сих пор казалась обожженной в том месте, где её гладила прохладная кожа его перчатки.

— Мисс Коллинз, вы подготовили аннотацию для грантового комитета? — резкий голос куратора заставил её вздрогнуть.

— Да, профессор. Почти, — Клем судорожно перелистнула страницу. — Мне нужно уточнить пару тезисов в главе о мотивации преследователя.

— Поторопитесь. Спонсоры фонда будут на кафедре в пятницу. Если ваша работа их не впечатлит, грант уйдет на факультет социологии. Вы ведь не хотите упустить этот шанс из-за академической вялости?

— Исключено, — Клем жестко выпрямила спину. — Я заберу этот грант.

Её амбиции были единственным якорем, который еще удерживал её на плаву. Ей нужен был этот чертов грант, нужна была легальная, чистая жизнь, где не будет неона, виниловых боди и мужчин, покупающих её время. Она вернет себе контроль. Чего бы ей это ни стоило.

Квартира Клементины находилась на четвертом этаже старого кирпичного дома на окраине университетского квартала. Крошечная студия, совмещающая в себе кухню, спальню и рабочий кабинет, всегда была её единственной безупречной зоной безопасности. Здесь не было случайных людей, не было чужих взглядов. Только книги, ноутбук и вечно зашторенное окно.

Она вернулась домой около девяти вечера, смертельно уставшая от собственной паранойи. Дождь за окном стучал по жестяному отливу, смывая остатки дневного шума мегаполиса. Клем повернула ключ в замке — два привычных оборота. Дверь открылась без сопротивления. В прихожей царил привычная темнота, пахнувшая её лавандовым освежителем и мятным чаем. Она сбросила мокрые ботинки, прошла вглубь комнаты и уже потянулась к выключателю, как вдруг её пальцы замерли в воздухе.

В комнате пахло иначе. Сквозь тонкий аромат лаванды пробивался тяжелый, густой, удушающий шлейф. Горький табак, дорогая кожа и сухое дерево. Запах ложи №3.

Сердце Клем сделало сумасшедший кувырок и застряло где-то в горле, перекрывая кислород. Она замерла, не смея сделать даже вдох. Глаза медленно привыкали к полумраку, рассеиваемому лишь блеклым светом уличного фонаря из-за шторы.

На её узкой кровати, прямо поверх старого шерстяного пледа, кто-то сидел. Силуэт был массивным, широкоплечим. Мужчина откинулся спиной на стену, вытянув длинные ноги в безупречных брюках костюма-тройки. Его руки в черных кожаных перчатках лениво покоились на коленях. На его лице, отражая тусклый свет с улицы, матово поблескивала черная полимерная маска.

Сталкер сидел в её постели так, словно владел этим домом, этой ночью и самой Клементиной.

— Ты опоздала на двадцать минут, куколка, — раздался его низкий, бархатистый голос из темноты. — В твоём расписании было указано, что библиотека закрывается в восемь. Где ты была эти двадцать минут?

Клем сделала шаг назад, её спина врезалась в холодную поверхность входной двери. Рука инстинктивно нащупала ручку замка — она могла повернуться, выбежать в коридор, закричать, позвать на помощь соседей. Это было правильно. Это было логично.

— Не глупи, Клементина, — тихо, почти ласково произнес он, и в темноте прорезей маски блеснули его глаза. — Если бы я хотел причинить тебе вред, ты бы не успела даже дотронуться до замка. Запри дверь. Изнутри.

Вместо того чтобы бежать, Клем, повинувшись какому-то безумному, извращенному импульсу, медленно повернула защелку замка. Щелчок прозвучал в тишине комнаты как выстрел. Она осталась с ним запертой в пространстве три на четыре метра. Один на один со своим самым страшным и самым желанным кошмаром.

— Зачем вы здесь? — её голос дрожал, но она изо всех сил пыталась вернуть себе интонацию взрослой, умной женщины. — Это взлом. Это уголовная статья. Я могу...

— Ты ничего не сделаешь, — он медленно поднялся с кровати. Его колоссальный рост и ширина плеч втиснулись в пространство её крошечной студии, мгновенно заставив потолок казаться ниже, а воздух — горячее. Он сделал шаг вперед, и шпилька, та самая медная шпилька, которую он украл у неё в клубе, блеснула в его пальцах. Он аккуратно положил её на её рабочий стол, прямо поверх распечатанных глав диссертации. — Я пришел вернуть твой долг. И забрать свой процент.

Он приблизился к ней вплотную, отсекая малейшую возможность для маневра. Клем оказалась прижата спиной к двери, а перед ней выросла непреодолимая стена из черного дорожного сукна и матового полимера. Запах его парфюма закружил ей голову, лишая остатков рационального мышления.

— Ты написала в своей работе, что преследователь подменяет собой реальность объекта, — его рука в перчатке поднялась, упираясь ладонью в дверь прямо над её головой. Мужчина наклонился так близко, что его теплое дыхание через вырез маски обожгло её губы. — Давай проверим это на практике, будущий магистр психологии. Покажи мне, насколько глубоко теория зашла в твою плоть.

Клем чувствовала, как дерево за её спиной вибрирует от каждого удара её собственного сердца. Он стоял так близко, что его безупречно скроенный жилет едва заметно терся о кашемир её свитера при каждом глубоком вдохе. В этой близости не было пространства для маневра — только чистая, концентрированная угроза, замешанная на возбуждении.

— Вы с ума сошли, — выдохнула она, но вместо того, чтобы оттолкнуть его, её ладони слабо уперлись в его грудь, ощущая под слоями дорогой ткани монолитную, жесткую линию мышц. — Уходите. Пожалуйста.

— «Пожалуйста», Клементина? — его голос упал до опасного, почти суббасового регистра. — Твой лексикон стремительно беднеет, когда ты теряешь контроль. Где же твои девиантные механизмы? Где теории фиксации?

Его вторая рука в черной коже перчатки медленно опустилась на её талию. Пальцы сжались на кашемире, жестко и бесцеремонно притягивая её бедра вперед, заставляя Клем полностью вжаться в его тело. Она прерывисто вздохнула, когда почувствовала твердость его намерения сквозь ткань брюк. Порочная, темная волна жара прокатилась от низа живота прямо к горлу.

— Ты сама пустила меня сюда, — прошептал он, наклоняясь ниже, так что край его матового полимера коснулся её щеки — холодный, безжизненный пластик на контрасте с его горячим, рваным дыханием. — Ты не поменяла замки после того, как поняла, что я заходил.

Ты ждала меня, куколка. Весь этот чертов день ты сидела в библиотеке и думала только о том, как я сорву с тебя этот скучный свитер.

Его пальцы на её талии двинулись вверх, грубо поддевая край кашемира и проникая под ткань. Голая кожа Клем обожглась о прохладную лайкру перчатки. Она закусила губу до крови, сдерживая стон, когда его ладонь медленно, с тяжелым нажимом поползла по её ребрам вверх, сминая кружево бюстгальтера и накрывая её грудь. Большой палец уверенно и жестко очертил напрягшийся сосок.

— Смотри на меня, — приказал он.

Клем открыла глаза, тяжело и хрипло дыша. В полумраке студии, сквозь узкие прорезы маски, на неё смотрели два безжалостных, темных обсидиана. В них не было пощады, только абсолютный, маниакальный голод.

— Сегодня мы проверим твою диссертацию на прочность, — его губы в вырезе маски скользнули по её шее, прихватывая зубами нежную кожу прямо над сонной артерией. Клем вскрикнула, и этот звук потонул в его глубоком, довольном рыке. — Я хочу знать, как звучит твой предел, Клементина. И ты покажешь мне его. Прямо сейчас.

Он резко перехватил её за бедра, буквально отрывая от пола, и Клем инстинктивно обхватила его талию ногами, цепляясь за его плечи, пока сталкер нес её в глубину её собственной, окончательно взломанной реальности.

Глава 4: Тактильное доминирование

Он бросил её на кровать без малейшего намека на мягкость — так швыряют на верстак драгоценный, долгожданный материал, который собираются перекроить под себя. Старая пружинная сетка жалобно звякнула. Клем не успела даже сгруппироваться, как его тяжелое, литое тело накрыло её сверху, выбивая из легких остатки воздуха. Из прорезей черной маски на неё обрушился свинцовый, немигающий взгляд.

— Твоя автономия, Клементина, — прошептал он, и его пальцы в жесткой коже перчаток с сухим треском рванули ворот её серого свитера вниз, обнажая плечи и ключицы. — Где она теперь? Проанализируй это.

Клем задыхалась. Кашемир затрещал, когда он грубо потянул рукава назад, фактически спеленав её руки у неё за головой, фиксируя их одной своей ладонью. Она оказалась полностью раскрыта, выгнута навстречу его контролю, лишённая малейшей возможности защититься или закрыться. Кружево бюстгалтера не выдержало следующего движения — он просто разрезал его тонкую перемычку коротким, хищным щелчком выкидного ножа, который появился в его руке на долю секунды и тут же исчез.

— Вы... — Клем попыталась дернуться, но его колено жестко вклинилось между её бедер, разводя их в стороны и намертво прижимая её таз к матрасу.

— Тихо, — приказал он. И этот короткий, вибрирующий рык заставил её замереть.

Его свободная ладонь в перчатке легла ей на ребра, медленно спускаясь к животу. Прохладная, текстурная кожа лайкры скользила по её пылающей, покрывшейся мурашками плоти, оставляя за собой шлейф невыносимой, зудящей чувствительности. Он не торопился. Он изучал её реакцию, методично доводя Клем до точки невозврата. Его пальцы зацепили пояс джинсов, и через секунду металлический зубец молнии с сухим звуком разошелся до самого низа.

Он грубо, без церемоний стянул с неё плотную джинсовую ткань вместе с бельем, оставляя её абсолютно обнаженной в тусклом свете уличного фонаря. Клем судорожно вздохнула, инстинктивно пытаясь свести ноги, но его тяжелое бедро заблокировало любое движение. Она была умной, амбициозной женщиной, которая днем управляла своей жизнью, но сейчас, под этой матовой полимерной маской, она превратилась в сплошной, обнаженный нерв.

— Посмотри на себя, — его голос стал опасно мягким. Он отпустил её запястья, но Клем даже не подумала убрать руки — они так и остались лежать над головой, парализованные предкушением. — Ты дрожишь. И это не от холода, куколка. Твое тело сдалось мне раньше, чем твой изощренный ум успел придумать первое оправдание.

Его ладонь скользнула по внутренней стороне её бедра — медленно, дразняще, поднимаясь всё выше к самому центру её пульсирующего жара. Клем прикусила губу до крови, сдерживая рвущийся наружу крик, когда его пальцы в перчатке наконец коснулись её — влажной, горячей, полностью готовой к его прикосновению плоти. Из выреза маски вырвался глубокий, торжествующий вздох.

— Боже, какая ты горячая, Клементина... — он надавил сильнее, заставляя её выгнуться в пояснице и беззвучно застонать, впиваясь пальцами в простыни. — Ты написала в своей диссертации, что объект преследования ищет спасения. Ложь. Ты искала этого финала с той самой секунды, как увидела меня в ложе. Ты хотела, чтобы я пришел и забрал твою волю.

Он резко подался вперед, грубо впиваясь своими губами в её искусанный рот сквозь узкий вырез маски. Этот поцелуй пах горьким табаком, дождем и металлом. Его пальцы внутри неё двигались в безжалостном, рваном ритме, ломая её остаточное сопротивление, заставляя Клем плавиться, стонать прямо в его губы и терять всякую связь с реальностью.

Когда Клем казалось, что она уже достигла предела, что её разум вот-вот окончательно растворится в этой судорожной, удушающей сладости, он резко выдернул руку. Лишение так-

тильного контакта отозвалось в её теле почти физической болью. Она рвано, беспомощно выдохнула, оставаясь лежать на растерзанных простынях — полностью раскрытая, влажная, с пылающей кожей, на которой шрамами отпечатались следы его кожаных перчаток.

Сталкер поднялся над ней во весь рост. В полумраке его силуэт казался колоссальным, изломанным геометрией теней. Одним плавным, хищным движением он расстегнул пряжку своего тяжелого кожаного ремня. Металлический лязг ворвался в тишину комнаты, заставив Клем крупно вздрогнуть.

— Ты думала, это всё, куколка? — его голос вибрировал от едва сдерживаемой, темной силы. — Нет. Это была лишь прелюдия к твоей настоящей капитуляции. Ты слишком долго притворялась хозяйкой своей жизни. Пора опустить занавес.

Он перехватил её за лодыжки, безжалостно и легко потянув на себя, к самому краю кровати. Клем вскрикнула, её пальцы судорожно заскользили по матрасу, пытаясь найти хоть какую-то опору, но против его веса у неё не было ни единого шанса. Он развел её колени в стороны — максимально широко, фиксируя их своими бедрами так, что она оказалась полностью заблокирована, уязвимая и беззащитная перед тем, что должно было произойти.

Мужчина наклонился, упираясь ладонями в матрас по обе стороны от её головы. Черная матовая маска замерла в паре сантиметров от её лица. Клем видела, как в узких прорезиненных пазах бешено расширяются его зрачки. Он дышал тяжело, как дикий зверь перед прыжком, и этот запах — кожи, металла и его раскаленного тела — окончательно выжег в её голове остатки академического рацио.

— В твоей диссертации есть глава о «синдроме вынужденного согласия», Клементина, — его губы в вырезе маски жестко, до боли прижались к её уху, обжигая прерывистым шепотом. — Забудь её. Здесь нет синдромов. Здесь есть только я. И твоя абсолютная, первобытная жажда принадлежать мне. Скажи это.

— Я... — Клем задохнулась, её пальцы впились в его жесткие плечи, сминая дорогую ткань костюма. — Пожалуйста...

— Скажи это, куколка. Скажи, чья ты сейчас.

— Твоя... — этот стон вырвался из самого ее предсердия, грязный, честный, лишенный всякой гордости. — Я твоя.

— Хорошая девочка, — глухо прорычал он.

В следующее мгновение он вошел в неё — одним мощным, глубоким, сокрушительным толчком, заставив Клем выгнуться дугой и вскрикнуть, теряя контроль над собственным телом. Он двигался безжалостно, вколачивая её в матрас в рваном, сумасшедшем ритме, не давая времени на передышку, не оставляя ни единого шанса вернуть автономию. Комната кружилась перед её глазами, блеклый свет фонаря дробился на тысячи осколков. Она плавилась под ним, стонала, сходя с ума от этого варварского, запретного экстаза, пока сталкер переписывал её сознание заново — клетка за клеткой, превращая умную, амбициозную Клементину в преданную жрицу своего темного, порочного культа.

Глава 5: Синдром отмены

Во вторник утром Клементина проснулась от резкого, безжалостного света, бьющего сквозь незашторенное окно. Комната выглядела так, словно по ней прошелся торнадо: серый кашемировый свитер с разорванным воротом сиротливо валялся на полу, рядом темнели осколки разрезанного кружева, а простыни были сбиты в тяжелые, жесткие узлы.

Его не было. Сталкер исчез до рассвета, оставив после себя лишь остывшую постель и удушающий, вьевшийся в стены шлейф горького табака и дорогой кожи.

Клем села, поджав колени к груди. Всё её тело ныло от непривычной, первобытной усталости, а между бедер горел тягучий, напоминающий о полной капитуляции жар. Она протянула руку к рабочему столу. Ноутбук был закрыт, но прямо на его крышке лежала та самая медная шпилька для волос. Рядом с ней аккуратно белел небольшой квадратный стикер.

На нем от руки, безупречным каллиграфическим почерком, было написано всего два слова:

«Слишком послушная».

Клем скомкала записку, чувствуя, как к горлу подступает ядовитая волна стыда пополам с диким, неконтролируемым возбуждением. Он заставил её вывернуть наизнанку всю свою гордость. Он перешагнул через её законы, её пространство и её разум, а теперь ушел, оставив её один на один с этим ментальным похмельем.

К полудню Клементина уже стояла в стерильном, залитом холодным светом коридоре главного корпуса университета. На ней были строгие черные брюки, закрытая шелковая блузка с высоким воротом, полностью скрывающим искусанную кожу на шее, и неизменные очки в тонкой оправе. Она изо всех сил пыталась вернуть себе статус умной, амбициозной Клементины-студентки, но внутри неё всё дрожало.

— Мисс Коллинз, зайдите на кафедру, — декан факультета, сухощавая женщина средних лет, прошла мимо, едва взглянув на неё. — Спонсоры международного грантового фонда прибыли раньше. Они хотят лично просмотреть черновые тезисы кандидатов. Сейчас ваша очередь.

Сердце Клем пропустило удар. Вот он — её шанс. Тот самый рубеж, ради которого она терпела ночные смены в клубе и заучивала сотни страниц сухой теории девиаций. Ей нужно просто войти туда, включить свой блестящий аналитический ум и забрать этот грант.

Она сделала глубокий вдох, поправила воротник блузки и толкнула тяжелую дубовую дверь профессорского кабинета. Внутри пахло старым деревом, дорогим кофе и... *им*. Клем замерла на пороге, едва не выронив кожаную папку с распечатками. Этот запах невозможно было перепутать ни с чем. Горький табак, кожа и сухой древесный шлейф. Тот самый аромат, который еще несколько часов назад заполнял её маленькую студию, пока её вколачивали в матрас.

За длинным столом для совещаний, рядом с престарелым завкафедрой, сидел мужчина. Высокий, широкоплечий, в безупречном темно-сером костюме-тройке от Савиль-Роу. Его длинные пальцы лениво вертели дорогую перьевую ручку. У него было жесткое, порочно-красивое лицо с резко очерченными скулами, волевым подбородком и тонкими, циничными губами. Теми самыми губами, которые Клем целовала в полумраке своей спальни сквозь вырез маски.

Он поднял на неё свои глаза — два безжалостных, черных обсидиана. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на неё так, словно видел впервые в жизни, но в глубине его немигающего взгляда горел тот самый маниакальный, голодный огонь.

— А вот и наша лучшая магистрантка, — расплылся в улыбке профессор, не замечая, как Клем стремительно бледнеет, цепляясь пальцами за косяк двери. — Познакомьтесь, мисс

Коллинз. Это мистер Каспиан Вэнс. Главный попечитель нашего фонда и глава комитета, который будет утверждать ваш грант.

Каспиан медленно откинулся на спинку кресла, и его губы тронула едва заметная, хищная полуулыбка, от которой у Клем подкосились колени.

— Очень приятно, мисс Коллинз, — его низкий, бархатистый голос с легкой хрипотой ударил по её барабанным перепонкам, заставляя кожу мгновенно покрыться мурашками. — Я читал аннотацию вашей диссертации о психологии девиантного контроля. Весьма... интригующее исследование. Присаживайтесь. Расскажите нам, как именно вы собираетесь доказывать, что преследователь всегда получает полную власть над своей жертвой. Нам очень важны ваши... практические наблюдения.

Клем казалось, что под её шпильками разверзлась бездна. Воздух в кабинете стал разреженным, как на вершине ледника. Она стояла под прицелом его немигающих обсидиановых глаз, чувствуя, как шелковая блузка внезапно начинает душить её, а высокий воротник-стойка едва скрывает багровые отметины его зубов.

Каспиан Вэнс.

Главный попечитель фонда. Миллиардер, меценат, человек, чье имя красовалось на мраморной доске при входе в новый корпус университета. И её ночной кошмар. Её сталкер. Человек, который держал её за волосы на полу мокрой постели, пока она умоляла его уйти дальше.

— Мисс Коллинз, присаживайтесь, — мягко повторил декан, указывая на свободный стул прямо напротив Каспиана.

Ноги Клем двигались механически. Она опустилась на жесткое кожаное сиденье, чувствуя, как каждое движение отзывается ноющей, сладкой болью внизу живота. Она положила папку на полированный стол, но её пальцы так сильно прижались к коже, что ногти побелели. Каспиан медленно подался вперед, опираясь локтями о столешницу. Расстояние между ними сократилось до полутора метров. Теперь она видела безупречную текстуру его серого пиджака, легкую тень щетины на жесткой челюсти и то, как опасно и голодно расширялись его зрачки, когда его взгляд на секунду скользнул по её плотно закрытому вороту. Он прекрасно знал, что прячется под этим шелком. Он сам это там оставил.

— Итак, мисс Коллинз, — Каспиан переплел пальцы, и на его запястье блеснули тяжелые платиновые часы. Его голос звучал ровно, с той самой светской, леденящей душу вежливостью, которая была еще страшнее его ночного рыка. — В вашей работе вы утверждаете, что девиантный преследователь использует «тактику выжженной земли», разрушая социальные связи жертвы и подменяя собой её реальность. Вам не кажется это суждение слишком... теоретизированным? В жизни всё обычно происходит с молчаливого согласия самой жертвы. Из-за её латентной потребности в сильной руке.

Завкафедрой согласно закивал, а Клем почувствовала, как внутри неё, пробивая панцирь шока, начинает закипать яростная, амбициозная гордость. Он издевался над ней. Прямо здесь, в стенах её цитадели разума, он пытался растоптать её как ученого, заставив признать поражение. Она выпрямила спину, поправила очки в тонкой оправе и посмотрела прямо в его черные глаза. Её голос прозвучал на удивление чисто и твердо:

— Вы ошибаетесь, мистер Вэнс. Молчаливое согласие, о котором вы говорите — это не потребность в подчинении, а результат глубокой когнитивной перегрузки. Преследователь — если он достаточно умен и обладает ресурсами — действует как вирус. Он изучает уязвимости системы, взламывает её контур и парализует волю. Но это не значит, что система приняла его. Она просто выигрывает время, чтобы изучить врага и уничтожить его изнутри.

В кабинете повисла звенящая тишина. Декан удивленно моргнула, пораженная дерзостью студентки перед главным спонсором. Но Каспиан не рассердился. Его тонкие, циничные губы медленно разошлись в глубокой, искренней и пугающей улыбке. В его глазах вспыхнул такой

бешеный, маниакальный восторг, что Клем едва не задохнулась. Он оценил удар. Его куколка решила показать зубы на его же поле.

— Великолепный ответ, Клементина, — негромко произнес он, впервые назвав её по имени, и от этого интимного звука по её спине пробежал табун обжигающих мурашек. — Безупречная защита. Мне чертовски нравится ваш ход мыслей. Думаю, комитет фонда с большим удовольствием профинансирует ваше... исследование. Я лично прослежу, чтобы у вас было достаточно практического материала для вашей финальной главы.

Он поднялся со своего места, застегивая пуговицу пиджака, и его колоссальный рост снова заставил Клем почувствовать себя крошечной, запертой в ловушке. Каспиан протянул ей руку над столом. Его ладонь теперь была без перчатки — теплая, с сухой сильной кожей.

— До пятницы, мисс Коллинз. Подготовьте полный отчет. И не забудьте... система должна работать без сбоев круглые сутки.

Клем медленно протянула свою руку. Стоило её пальцам коснуться его ладони, как Каспиан жестко сжал их, слегка потянув её на себя — всего на миллиметр, но этого хватило, чтобы она почувствовала его абсолютную, непреклонную власть. Он отпустил её руку и вышел из кабинета, оставив Клем одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.